С. Н. Булгаков

Иван Карамазов как философский тип

Сергей Булгаков

Иван Карамазов как философский тип

«Public Domain»

1901

Булгаков С. Н.

Иван Карамазов как философский тип / С. Н. Булгаков — «Public Domain», 1901

ISBN 978-5-04-007590-4

«Иван Карамазов, сидя в скверном трактире, говорит своему брату Алеше: «… русские мальчики как до сих пор орудуют? Иные то есть? Вот, например, здешний вонючий трактир, вот они и сходятся, засели в угол. Всю жизнь прежде не знали друг друга, а выйдут из трактира, сорок лет опять не будут знать друг друга, ну и что же, о чем они будут рассуждать, пока поймали минутку в трактире-то? О мировых вопросах, не иначе: есть ли Бог, есть ли бессмертие? А которые в Бога не веруют, ну, те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца. И множество, множество самых оригинальных русских мальчиков только и делают, что о вековечных вопросах говорят у нас в наше время. Разве не так?» – «Да, – настоящим русским вопросы о том: есть ли Бог и есть ли бессмертие, или, как вот ты говоришь, вопросы с другого конца, конечно, первые вопросы и прежде всего, да так и надо», – ответил ему на это Алеша…»

ISBN 978-5-04-007590-4

© Булгаков С. Н., 1901
© Public Domain, 1901

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 10
Комментарии

С. Н. Булгаков
Иван Карамазов как философский тип
(в романе Достоевского «Братья Карамазовы»)
Публичная лекция[1]

Милостивые государыни и государи!

Иван Карамазов, сидя в скверном трактире, говорит своему брату Алеше: «…русские мальчики как до сих пор орудуют? Иные то есть? Вот, например, здешний вонючий трактир, вот они и сходятся, засели в угол. Всю жизнь прежде не знали друг друга, а выйдут из трактира, сорок лет опять не будут знать друг друга, ну и что же, о чем они будут рассуждать, пока поймали минутку в трактире-то? О мировых вопросах, не иначе: есть ли Бог, есть ли бессмертие? А которые в Бога не веруют, ну, те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца. И множество, множество самых оригинальных русских мальчиков только и делают, что о вековечных вопросах говорят у нас в наше время. Разве не так?» – «Да, – настоящим русским вопросы о том: есть ли Бог *и* есть ли бессмертие, или, как вот ты говоришь, вопросы с другого конца, конечно, первые вопросы и прежде всего, да так и надо», – ответил ему на это Алеша.

Я тоже вижу в неослабевающем интересе к этим вопросам самую характерную черту нашей молодежи и нашей интеллигенции, черту, глубоко враждебную всему, что носит на себе печать культурной буржуазности, и также вижу в этой черте печать глубокого идеализма, возвышенности настроения, которое из внутреннего мира переходит во внешний, из настроения становится действием. Как отмечено в словах Ивана, наше общество с разных концов подходит к этим вопросам, то со стороны социологии, то метафизики. Конечно, обе стороны не исключают одна другую, вернее, они всегда так или иначе совмещаются, но обыкновенно с большим акцентом выдвигается какая-либо одна сторона. Еще недавно мы пережили период увлечения социологической стороной мировоззрения; если я не обманываюсь, теперь начинается поворот в сторону метафизики. Во всяком случае, можно считать бесспорным, что наша интеллигенция является едва ли не наиболее философски настроенной, но при этом совершенно недостаточно философски образованной. Уровень философского образования стоит у нас чрезвычайно низко не только у читающей публики, но и у пишущей. До сих пор мы, русские, мало чем обогатили мировую философскую литературу, и единственным нашим оригинальным философом остается пока Влад. Соловьев. Однако если мы не имеем обширной и оригинальной научной литературы по философии, то мы имеем наиболее философскую изящную литературу; та сила мысли нашего народа, которая не выразилась в научных трактатах, нашла для себя исход в художественных образах, и в этом отношении в течение XIX века, по крайней мере второй половины его, мы в лице Достоевского и Толстого, даже Тургенева, в меньшей степени и Чехова – идем впереди европейской литературы, являясь для нее образцом. Великие сокровища духа скоплены в нашей литературе, и нужно уметь ценить их.

К сожалению, я не могу сказать, чтобы мы верно исполняли эту естественную и, в лучшем смысле слова, патриотическую обязанность. Может быть, это делается относительно Тургенева, Толстого и наших современных писателей, но этого далеко еще не сделано в достаточной степени относительно великого страдальца нашей литературы Достоевского.

Он остается как бы забыт в нашей передовой литературе[2], около его священного имени скопляются обидные недоразумения, благодаря которым его считают чуть не своим рептилии литературы, а лучшая часть общества не чувствует своей кровной с ним связи. Конечно, в некоторой степени тому причиной, быть может, являются своеобразные политические убеждения Достоевского, но кто же посмеет смешать его с теми, которые являются официальными представителями и хранителями этих воззрений? В лице Достоевского мы имеем не только бесспорно гениального художника, великого гуманиста и народолюбца, но и выдающийся философский талант. Из всех наших писателей почетное звание художника-философа принадлежит по праву Достоевскому; даже Толстой, поставленный рядом с ним, в этом отношении теряет в своих колоссальных размерах. И эта сторона – к стыду нашей литературы – осталась всего менее разъясненной и оцененной нашей критикой. Ввиду этого, невзирая на всю огромную трудность оценки Достоевского как философа, я чувствую непреодолимую потребность остановиться именно на этой его стороне. И в таком случае всего естественнее остановиться на том произведении, которое и в философском, и в художественном отношении является наиболее гениальным у Достоевского, на «Братьях Карамазовых», а в этом романе выбрать самую яркую *в* философском отношении точку – образ Ивана Карамазова. Из всей галереи типов этого романа этот образ нам, русской интеллигенции, самый близкий, самый родной; мы сами болеем его страданиями, нам понятны его запросы. Вместе с тем образ этот возносит нас на такую головокружительную высоту, на которую философская мысль поднималась в лице только самых отважных своих служителей. Но обратимся к самому роману.

Иван Карамазов представляет одну из центральных фигур в этой грандиозной эпопее русской жизни, в которой последняя отразилась от самых высших до самых низших своих проявлений. Он есть один из трех братьев Карамазовых, которые, быть может, в глазах Достоевского символически изображали все русское общество, всю русскую жизнь. Но вместе с тем Иван есть эпизодическая фигура в романе, ему не принадлежит в нем никакого действия. Отношение Ивана к трагедии, разыгравшейся в стенах карамазовского дома, может быть характеризовано самое большее как попустительство. Хотя сам Иван впоследствии мучится мыслью, что он есть нравственный виновник убийства, но это бред его больной души, скорее характерный для состояния этой последней, нежели для определения действительного участия Ивана в убийстве. – Не ты убил, – говорит ему Алеша, устами которого чаще всего говорит и сам автор. И правда, нетрудно видеть, что кровавое событие в романе надвигается с фатальной силой, что трагедия неотвратима и все равно разыгралась бы и без всякого участия Ивана. Смотря на дело объективно, можно считать и Алешу таким же попустителем, как и Ивана.

Быть может, с точки зрения архитектуры романа, покажется неудачным, что одна из центральных фигур вместе с тем является как бы эпизодической и лишней для развития действия. Бесспорно, что все почти романы Достоевского страдают большими недостатками, даже неряшеством архитектуры и выполнения, и фанатикам формы есть от чего прийти в справедливое негодование. Но как-то странно и неуместно говорить о недостатках формы, когда речь идет о таких колоссальных произведениях, как «Братья Карамазовы». Они сами себе закон, и разумной критике следует ограничиться относительно их только констатированием фактов, возможно полным раскрытием художественного замысла.

После сказанного относительно места Ивана в романе легко понять, что душевный мир Ивана характеризуется в романе всего менее его поступками. Главный и основной источник для понимания его души суть его собственные слова о себе. Сравнительно второстепенное значение имеют отзывы о нем действующих лиц, но они получают значение только

[2] За последние годы Достоевский привлекает к себе все большее внимание.

в связи со словами Ивана. Характеристика Ивана сделана в драматической форме, большею частью в форме монолога, реже диалога. Это как бы драматический эпизод в романе; хотя сам Достоевский избегал формы драмы, но многие страницы его романов возвышаются до истинно шекспировского драматического пафоса. По драматической форме многое из диалогов и монологов Ивана может быть скорее всего сопоставлено с первыми, философскими, сценами «Фауста»[1]. Заслуживает особого упоминания как виртуозный технический прием, доступный в нашей, да и во всей мировой литературе одному Достоевскому, это характеристика души Ивана его бредом. Мы разумеем удивительную главу – «Черт. Кошмар Ивана Федоровича». Благодаря бреду, сопровождающемуся галлюцинацией и болезненным раздвоением сознания, мы имеем здесь как бы монолог *в* диалогической форме. Черт Ивана Федоровича не метафизический Мефистофель, изображающий собою абстрактное начало зла и иронии, это произведение собственной больной души Ивана, частица его собственного я. Все, что мучает Ивана, что он презирает в себе и ненавидит, притом не только в настоящем, но и в прошлом, все это получает как бы персонификацию в черте. Предоставляем психиатрам анализировать с малоинтересной здесь психиатрической точки зрения этот эпизод, для нас он является драгоценным как характеристика состояния души Ивана. Это высший пункт нервного и умственного раздражения, в котором находится Иван, – момент, когда силы его рвутся и им овладевает, наконец, болезнь. Появление его в суде на последних страницах романа мало прибавляет к его душевной драме.

Мало прибавляет для характеристики Ивана и любовная интрига, его роман с Екатериной Ивановной, который Достоевский присоединил, скорее всего, ради внешней связи, да, может быть, слабости чересчур усложнять фабулу романа. Роман с Екатериной Ивановной есть совершенно внешний эпизод в жизни Ивана; он не играет ровно никакой роли в его душевном мире и потому является излишним, не отвечающим художественным целям автора, *в* сущности, так же излишним, прибавим мы, как излишним эпизодом для трагедии «Фауст» является интрижка Фауста с Маргаритой, которая могла бы быть отлично уступлена любому из второстепенных персонажей и которая нисколько не характеризует Фауста. Иван ведет, по выражению нашего Герцена, логический, скажу даже, метафизический роман, который заслоняет для него все остальное. В душевной жизни Ивана все действующие лица романа, отец, Алеша, Митя и в особенности Смердяков имеют свое значение, и его не имеет только Екатерина Ивановна да Грушенька. Мы не будем поэтому более останавливаться на зтом эпизоде.

Добавлю к этому, что Достоевский дает только, так сказать, моментальную фотографию души Ивана. Он очень кратко и отрывисто говорит об его прошлом, об его детстве и юности – в романе Ивану 23 года – и ничего не говорит об его будущем. Рассказ круто обрывается. Внешней причиной тому была смерть автора, унесшего с собой в могилу столько невысказанных слов. Но едва ли и в дальнейшем Иван занял бы видное место в романе, – в предисловии Достоевский говорит, по крайней мере, только об Алеше как герое будущего романа, который должен был, по плану автора, составить продолжение «Братьев Карамазовых». Характерно, что в романе нигде нет описания внешности Ивана, хотя описывается внешность всех главных действующих лиц. Мне кажется, что в этом не случайность, не неряшливость, а внутренний художественный инстинкт. Иван – дух; он весь отвлеченная проблема, он не имеет внешности. Кому, в самом деле, придет в голову требовать описания внешности Фауста, относительно которой также не имеется никакой ремарки в трагедии.

Таким образом, весь талант автора направлен к тому, чтобы раскрыть и осветить состояние души Ивана в данный момент; оно находится как бы в фокусе электрического солнца таланта Достоевского.

Иван принадлежит к тем высшим натурам, для которых последние проблемы бытия, так называемые метафизические вопросы, о Боге, о душе, о добре и зле, о мировом порядке,

о смысле жизни, представляются не праздными вопросами серой теории, но имеют самую живую, непосредственную реальность. Такие натуры не могут жить, не поставивши и не разрешивши этих вопросов. С психологической точки зрения не имеет значения, каковы те выводы или ответы, которые получены тем или другим лицом на эти вопросы. Важно то, что они не могут не быть поставлены и отвечены. Характерной особенностью состояния, в котором находится Иван в романе, является недоверие, утрата веры в старое, которое не заменилось еще новым. Такое переходное состояние в высшей степени болезненно; болезнь роста грозит иногда смертельным исходом. Я напомню вам то место «Исповеди», этого драгоценнейшего психологического памятника, где Толстой рассказывает, как он, находясь на высоте личного счастия, прятал от себя орудие самоубийства, так сильно его к нему тянуло. Подобное же состояние описано в автобиографии Милля, где рассказана болезнь неверия, нравственный кризис, постигший его при переходе от юности к более зрелому возрасту.

Представьте себе в момент такого перехода, такой болезненной ломки человека огромного ума, логической неустрашимости, страстной искренности, человека, абсолютно неспособного к сделкам с собой, и вы получите Ивана Федоровича Карамазова. Этот умный и талантливый человек, в цвете сил и жизни, совершенно серьезно говорит о самоубийстве, правда, не сейчас, но к 30 годам, когда остынет жажда жизни «неприличнейшая». А Иван любит жизнь и умеет ее ценить. «Пусть я не верю в порядок вещей, но дороги мне клейкие, распускающиеся весной листочки, дорого голубое небо, дорог иной человек, которого иной раз, поверишь ли, не знаешь, за что и любишь, дорог иной подвиг человеческий, в который давно уже, может быть, перестал и верить, а все-таки по старой памяти чтишь его сердцем». Душа этого человека открыта для всего великого и прекрасного. Он говорит, что пойдет в Европу, которую считает дорогим кладбищем, «самым, самым дорогим кладбищем»: «Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними». Таким образом, вся европейская культура, которую он так умеет ценить и чтить, в настоящем представляется ему дорогим покойником. Вся жизнь является для него обезвкушенной. Состояние нравственного омертвения, в котором находится Иван, делает его холодным и безучастным эгоистом, которому окружающая его жизнь внушает только брезгливое раздражение. У нас продирает мороз по коже, когда он говорит по поводу возможности убийства Дмитрием отца, что «один гад сожрет другого», нас шокирует, даже возмущает его барски надменное, грубое отношение к Смердякову, которому случайно пришлось сделаться настоящим героем его метафизического романа; многое в образе действий и в особенности в чувствах Ивана кажется нам жестким и отталкивающим. Но при этом не верится, что во всем этом сказывается подлинная сущность натуры этого человека, умеющего так умиляться клейкими весенними листочками и целовать, орошая слезами, камни европейской культуры. Не верится самому Ивану, когда он говорит про себя Алеше: «Я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних». Тот Иван, которого мы видим в романе, не таков, каков он есть на самом деле, как Раскольников, готовящийся к убийству старухи, очень мало похож на подлинного Раскольникова. Постоянное страдание, жгучая боль неразрешенных сомнений заставляют Ивана внимательно относиться только к своему внутреннему миру; на участие во внешней жизни у него не хватает сил. Иван болен не в конце только романа, когда у него делается уже настоящая нервная горячка, но он болен с самого начала, болен с того времени, когда стали со всей ясностью перед ним мучащие его вопросы, которые ему нужно разрешить или нравственно умереть. Софист и диалектик в Иване иногда заслоняет мученика идеи, но последний виден проницательному взору старца Зосимы, который с пророческой прозорливостью после памятного разговора о церковном суде говорит Ивану:

«Идея эта (о бессмертии души) еще не решена в вашем сердце и мучает его. Но и мученик любит иногда забавляться своим отчаянием, как бы тоже от отчаяния. Пока с отчаяния и вы забавляетесь и журнальными статьями, и светскими спорами, сами не веруя своей диалектике и с болью сердца усмехаясь ей про себя… В вас этот вопрос не решен, и в этом ваше великое горе, ибо настоятельно требует разрешения…» В этих вещих словах дан верный ключ к душе Ивана. Какой же вопрос или, лучше сказать, какие вопросы не решены у Ивана и их неразрешенность составляет его великое горе?

Петр Александрович Миусов в той же сцене в монастыре рассказывает про Ивана следующую вещь: «Не далее как пять дней тому назад в одном здешнем, по преимуществу дамском, обществе он торжественно заявил в споре, что на всей земле нет решительно ничего такого, что заставляло бы людей любить себе подобных, что такого закона природы, чтобы человек любил человечество, не существует вовсе, и что если есть и была до сих пор любовь на земле, то не от закона естественного, а единственно потому, что люди веровали в свое бессмертие. Иван Федорович прибавил при этом в скобках, что в этом-то и состоит весь закон естественный, так что уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено, даже антропофагия. Но и этого мало, он закончил утверждением, что для каждого частного лица, не верующего ни в Бога, ни в бессмертие свое, нравственный закон природы должен немедленно измениться в полную противоположность прежнему религиозному и что эгоизм даже до злодейства не только должен быть дозволен человеку, но даже признан необходимым, самым разумным и чуть ли не благороднейшим исходом в его положении». Иван вполне подтверждает верность передачи его мысли: «нет добродетели, если нет и бессмертия». А Иван в романе не верит или еще не верит в бессмертие души. Ту же мысль повторяет ему его страшный двойник-черт. Он говорит о будущем царстве свободы и науки, когда человек, окончательно упразднив веру в Бога, станет человекобогом.

Но «вопрос теперь в том, думал мой юный мыслитель (высмеивает Ивана черт): возможно ли, чтобы такой период наступил когда-нибудь или нет? Если наступит, то все решено, и человечество устроится окончательно. Но так как, ввиду закоренелой глупости человеческой, это, пожалуй, еще и в тысячу лет не устроится, то всякому, сознающему уже и теперь истину, позволительно устроиться совершенно, как ему угодно, на новых началах. В этом смысле ему „все позволено“. Мало того: если даже период этот никогда не наступит, то так как Бога и бессмертия все-таки нет, то новому человеку позволительно стать человекобогом, даже хотя бы одному в целом мире, и уж, конечно, в новом чине, с легким сердцем перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежнего раба-человека, если оно понадобится. Для Бога не существует закона! Где станет Бог, там уж место Божие! Где стану я, там сейчас же будет первое место… „все позволено“ и шабаш!» Что «все позволено», является вообще излюбленной идеей или, лучше, излюбленным предметом разговора Ивана Карамазова: он развивает эту идею и Алеше, и Мите в тюрьме, и Смердякову, и вы знаете, какое роковое направление придается мыслям Смердякова этим воззрением. Но оставляя в стороне эпизод со Смердлковым и останавливая внимание исключительно на философской стороне дела, мы видим, что здесь с безоговорочной решительностью ставится одна из самых главных, из самых центральных проблем философии всех времен и народов, проблема, поставленная уже Сократом[2] и даже его предшественниками-антагонистами софистами, именно, этическая проблема, вопрос о критериях добра и зля, об этической санкции. Думается, что в наши дни из всех философских проблем этическая проблема выдвигается на первое место[3] и оказывает определяющее влияние на все развитие философской мысли. Но, конечно, эта проблема никогда вполне не устранялась и неустранима из философии и, я думаю, составляет самый главный, действительно *первый* по важности вопрос философии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

…с первыми, философскими сценами «Фауста». – Имеется в виду прежде всего первая сцена 1#й части «Фауста» – «Ночь», в которой герой под влиянием веянья весны и пасхальных песнопений отказывается от мысли о самоубийстве.

2.

…поставленная уже Сократом и даже …софистами… этическая проблема, – Софисты (группа древнегреческих мыслителей середины V – первой половины IV в. до н. э.) убеждали в отсутствии абсолютной истины, объективных нравственных ценностей. Сократ опровергал их гносеологический и этический релятивизм.

3.

…в наши дни из всех философских проблем этическая проблема выдвигается на первое место… – Для самого Булгакова этический идеализм Канта был мостом от историко-материалистического к христианскому миросозерцанию: «…Кант всегда был для меня несомненнее Маркса ‹…› я считал необходимым поверять Маркса Кантом, а не наоборот»; «Путь к философскому „определению добра“ лежит через Канта…» // «От марксизма к идеализму». Сборник статей (1896–1903). С. XI, XVIII. Ср. также: «В марксизме нет ни одного грана этики» («От марксизма к идеализму». Сборник статей (1896–1903) С. 292).